

Ихсен
Тиль

Видже
Райзакс

Мemento Монструм

История
для любящих
выugat

Осторожно,
кушает!

Йохен Тиль
Мemento Монструм. Истории
для любимых внучат
Серия «Маленькая злая книга»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68334166

Мemento Монструм. Истории для любимых внучат: Эксмо; Москва;

2022

ISBN 978-5-04-175754-0

Аннотация

Да-да, граф Дракула, пушистый и обаятельный искатель приключений, уже давно стал дедушкой! Трое внуков – шутка ли? Но когда он узнал, что ему придётся остаться с ними ОДНОМУ, его охватила настоящая ПАНИКА! Ну зачем его жене и дочке приспичило ехать в эти спа-катакомбы в Париже?! А зять не мог выбрать другое время, чтобы отправится на конгресс об эффективных способах защиты от солнца?! Что теперь делать бедному графу с двумя подростками и одной маленькой любопытной девочкой?! Да их же от телефона за уши не оттащишь! Но вдруг он находит свой старый фотоальбом, в котором хранится море воспоминаний, и тогда... случается настоящее чудо!

Осторожно: это слишком милая книга! Возможно, в конце вы прослезитесь! Вас предупредили.

Йохен Тиль

Мemento Монструм

Истории для

любимых внучат

Jochen Till

Memento Monstrum – Vorsicht, bissig!

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Original edition © 202 °Coppenrath Verlag GmbH & Co. KG, Hafenweg 30, 48155 Münster, Germany

Original title: Memento Monstrum – Vorsicht, bissig!

Written by Jochen Till and illustrated by Wiebke Rauers

All rights reserved

© Полещук О. Б., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Прощаться очень тяжело. А так тяжело, как сегодня, не было никогда за все мои пятьсот восемьдесят девять лет жизни. Я остался невредимым в бесчисленных войнах, меня не смогли доконать никакие природные катаклизмы, разрушительные пожары были мне нипочём, я выжил даже после бесконечных покушений коварного Ван Хельсинга. Но вот переживу ли в добром здравии предстоящие дни – большой вопрос. И как же я справлюсь без неё? А вдруг поможет последний умоляющий взгляд моих налитых кровью глаз?

Не уезжай, Селена! Ты же нужна мне! Без тебя я пропал!

«Ах, зайка, не смотри на меня так! – говорит она. – Можно подумать, грядёт конец света. Ведь я уезжаю всего на два дня».

Всего на два. Это не просто *всего* два дня. Обычно для меня не проблема побыть два дня без неё. В любые другие два дня я бы всё время бездельничал, слушая на полной громкости очень старые пластинки, или пересматривая любимые фильмы, или вёдрами поглощая мороженое из крас-

ных апельсинов, пока не поплохеет. Но всем этим в ближайшие два дня, к сожалению, не займёшься. Потому что я хоть и остаюсь без моей дражайшей жены Селены, но не один. Потому что здесь *они*. На целых два дня. Без перерыва. Я по-прежнему в толк не возьму: за что она со мной так?! Почему так запросто отдаёт меня этим... этим монстрам?!

– Хи-хи, – хихикает Гема. – Думаю, дети, бабушка вас боится.

Ну, супер! Теперь ещё и собственная дочь наносит удар в спину. Но вообще-то удивляться тут нечему, в конце концов она эту кашу и заварила. Ей непременно понадобилось подарить матери на четырёхсотлетие абонемент выходного дня в велнесс-центр в Париже с пребыванием в дневные часы в катакомбах. Не спросив у меня! А я должен всё это время присматривать за тремя сорванцами. И просто запереть их в подвале я не могу. Это, как говорит Гема, не педагогично.

– Это правда, бабушка? – глядя на меня своими глазницами, спрашивает Глобина, младшенькая. – Ты нас боишься?

– Не боится, – говорит Вируся, её сестра. – Бабушка вообще ничего не боится. Кроме солнечного света.

– И слишком большой ответственности, – добавляет Селена. – Да, зайка? Ты ведь беспокоишься только потому, что ещё ни разу не оставался один с тремя детьми.

Нет. Всё ещё хуже. Я ещё никогда не оставался наедине даже с одним ребёнком. Обо всём всегда заботилась Селена. Я не имею ни малейшего представления о детях. Не знаю, как их кормить. И чем. И когда и как долго им полагается чистить зубы. И отправляться спать. Всё, что я знаю, это что в течение дня им ни в коем случае нельзя выходить из дома. Но что будет, если я выпущу кого-то из поля зрения? Или всех троих? Ведь дети вечно творят какие-нибудь глупости и не слушаются взрослых. Что, если они чисто из жадности приключений откроют какую-нибудь дверь на улицу? Тогда их мать, вернувшись, сможет прижать к груди лишь горстку пепла. А виноват буду я. *Вот этого* я действительно боюсь.

– Ну, – говорю я, – а что, если я на минутку отвлекусь и они умрут?

– Ах, мышонок, всё это мы уже проходили, – Селена берёт чемодан. – Ну что может случиться? Мы – вампиры. Нас так просто не убьёшь. Тебе нужно только вовремя, до восхода солнца, уложить их спать. Я в детских склепиках уже всё подготовила. По всему дому расставлены будильники, которые тебе об этом напомнят. А в холодильнике еды на целую неделю, так что с голоду вы тоже не умрёте.

– И тем не менее, – вздыхаю я. – Почему бы за ними не присмотреть Кэссиди?

Справедливый вопрос, разве нет? У отцов обязанностей больше, чем у дедушек. Вообще-то у дедушек обязанностей

нет вовсе, в этом-то и прелесть роли дедушки. Но, к сожалению, только не в том случае, когда мать в Париже, а отец неизвестно где. А Геме к тому же приспичило влюбиться в вампира-активиста, который постоянно мотается по свету, борясь за дальнейшее существование нашего вида.

– Папа у макаронцев, – говорит Глобиночка. – Он их там съест.

– Не «съест», а проводит «съезд», – поправляет её Вируся.

– И не у макаронцев, а у марокканцев, золотце, – прибавляет Гема и оборачивается ко мне: – В Марокко проходит конгресс вампирского сообщества на тему «Эффективные способы защиты от солнечного света». Но об этом я тебе рассказывала по телефону ещё на прошлой неделе, папа.

Рассказывала? Не припоминаю. В последнее время со мной такое частенько случается. Позапрошлой ночью я впервые за несколько недель решил размять свои дряхлые крылья, немного покружив над горами, и начисто забыл надеть брюки. По счастью, никто меня не видел!

– Твой отец в последнее время слегка забывчив, – говорит Селена. – Так ведь он потихоньку приближается к шестистам.

– Всего и не приближаюсь, – возражаю я. – До этого ещё одиннадцать лет. И я ещё в такой же хорошей форме, как и в двести. Как минимум.

– Ну, тогда ты играючи справишься с тем, чтобы два дня присмотреть за тремя детьми, – подмигивает мне Селена.

– К тому же Резус тебе поможет, – говорит Гема. – Он ведь

уже большой мальчик. Правда, Резус?

Мой внук не отвечает – к нашему разговору он и не прислушивался. Потому что постоянно таращится в экран своего мобильного и что-то там лихорадочно печатает.

– Резус? – упорствует его мать. – Ты меня слышал? Ты сможешь дедушке присматривать за сёстрами. Мы друг друга поняли?

– Ха-ха, хорошо сказано, мама! – смеётся Вирус. – Обалдуй сможет присмотреть за нами, разве что если мы появимся у него в игре! И даже тогда он наверняка по ошибке нас прикончит!

– Сама обалдуйка, – откликается Резус, не поднимая глаз от мобильного. – Здесь вообще есть беспроводной интернет? Мне необходимо скачать побольше серебряных пуль, иначе этих тупых оборотней никогда полностью не истребить.

– А почему оборотни тупые? – любопытствует Глобиночка. – Они в школе плохо учились?

– Понятия не имею, – бурчит Резус. – Они – наши враги, а враги всегда тупые. Поэтому я всех их пристреливаю.

– Не мог бы ты на минуточку перестать играть в эту дурацкую игру? – раздражённо стонет Гема. – Если будешь продолжать в том же духе, сам отупеешь. Давай, сию минуту!

– Но, мама, я же вот-вот перейду на следующий уровень! – протестует Резус.

– Я сказала – сию минуту! – ворчит Гема. – Продолжишь позже. Но только если дедушка разрешит. А дедушка не

большой фанат этих дел. Так что давай, убирай эту штуковину!

– Ладно-ладно, всё, – недовольно бурчит Резус, запихивая мобильник в карман брюк.

– Очень хорошо, – говорит Гема. – А теперь, мои сладкие летучие мышата, обнимите меня на прощание покрепче.

Бросившись маме на шею, девочки целуют её в щёки, Резусу Гема вынуждена немного помочь, притянув к себе.

– Будьте умницами, – говорит она. – Всего два раза поспите, и я вернусь.

– Вот-вот, – усмехается Селена, обнимая и меня. – Всего два раза поспишь, мой зайка, и я вернусь.

– Очень остроумно, – ворчу я.

– Ты это переживёшь, – целуя меня, говорит она. – И дети тоже.

Да, очевидно, переживём. Вот только не знаю как.

Мы с детьми провожаем Гему с Селеной на улицу и машем им вслед, пока они не скрываются из виду в ночном небе. И я остаюсь с внуками один.

– Ну, чем теперь займёмся? – спрашиваю я. – Вы вечером уже позавтракали?

– Да, – отвечает Вируся. – Мама сделала нам в дорогу бутерброды с кровяной колбасой.

– Но я хочу есть, – говорит Глобиночка. – Можно мне леденец на палочке?

– Так ведь леденцом сыт не будешь, – усмехаюсь я. – Ле-

денцы – это только так, полакомиться.

– Тогда я хочу только так, полакомиться, – Глобиночка смотрит на меня широко вытаращенными глазами. – Леденец!

– Сейчас получишь, – говорю я. – Ты какой формы больше любишь? Череп? Глаз? Или, может, косточка?

– Глаз! – отвечает Глобиночка. – Круглые леденцы вкуснее всего.

– Точно! – киваю я. – Это и мои самые любимые. Ещё кто-нибудь хочет леденец?

– Мне, пожалуйста, в форме черепа, – говорит Вируся.

– Резус? – спрашиваю я старшего.

– Что? Э-э-э... да, хочу, – рассеянно бормочет он. – Череп, пожалуйста.

– Значит, для вас два черепа и один глаз. И один череп для меня, – заключаю я. – Теперь только нужно выяснить, куда бабушка запрятала леденцы. Она не хочет, чтобы я слишком много лакомился и чтобы у меня уровень сахара зашкаливал. А ещё мне не стоит забывать о своём полётном весе. Можно подумать, леденец такой тяжёлый! Но не волнуйтесь, я знаю почти все её тайники. Встретимся в библиотеке. Дорогу помните?

– Да, – говорит Вируся. – Это моё любимое место в замке. Там так много классных книг.

– А я ещё не умею читать, – вздыхает Глобиночка.

– Ничего, – говорит Вируся, – я же могу почитать тебе

что-нибудь вслух.

– Ура! – ликует Глобиночка. – Люблю, когда мне читают!

– Знаю, – улыбается Вируся.

– Резус, пойдя, пожалуйста, с сёстрами, – говорю я. – Мне бы хотелось, чтобы вы держались вместе. Замок такой большой, я и сам тут иногда теряюсь.

– Ладно, – говорит Резус и идёт, не поднимая глаз от мобильного.

Дойдя до лестничной площадки, он спотыкается о первую ступеньку и едва успевает ухватиться за перила, чтобы не упасть.

– Проклятие! – злится он. – Теперь этот тупой оборотень от меня ускользнул!

Я отправляюсь в дальний путь вниз на кухню. Селена права, говоря, что этот замок вообще-то слишком большой для нас. И слишком старый. И слишком дорого обходится. Одно лишь отопление зимой стоит таких денег, что Селене в прошлом году пришлось устроиться на работу в курьерскую службу – летать, доставляя по ночам срочные посылки. При этом мы пользуемся только западным крылом, после того как в восточном во время чаепития над нашими головами обрушилась крыша. По счастью, это случилось перед самым восходом солнца – ещё пять минут, и мы оба сгорели бы дотла.

Было бы очень разумно продать замок, но у меня пока руки не поднимаются, слишком уж я привязан к этой старой громадине.

Добравшись до кухни, я систематически обыскиваю все обычные тайники, куда Селена прячет сладости, и наконец нахожу их в ящике для столовых приборов, в котором сделано двойное дно. Ах, здесь есть всё, что душе сладкоежки угодно, – печенье, шоколад, красные жевательные медвежата и леденцы на палочке. Я выкладываю на большую тарелку всего понемногу и, открыв холодильник, снова убеждаюсь, что у меня лучшая жена на свете – Селена, ко всему прочему, подготовила специально для нас графин холодного чая из кроваво-красных апельсинов. С полным подносом я пускаюсь в путь.

Я захожу в библиотеку, и поднос чуть не выскальзывает

у меня из рук. Почти вся нижняя половина книжных стеллажей пуста. Повсюду на полу лежат книги, а посреди всего этого сидят обе девочки и складывают их вокруг себя в стопки.

– Что... что это вы тут делаете? – ужасаюсь я.

– Классно, правда, дедушка? – говорит Вируся. – Мне всегда хотелось построить из книг дом. А у тебя их так много.

– Да, книжный дом! – восклицает счастливая Глобиночка. – У меня будет своя комната!

Я смотрю на Резуса, который, сидя на диване, играет в мобильнике.

– Я им сказал, что нужно сперва спросить у тебя, – не глядя на меня, говорит он. – Но они ведь меня никогда не слушают.

– Мы всё потом уберём, дедушка, – обещает Вируся.

– Да, – прибавляет Глобиночка. – Я точно запомнила, где стояла каждая книга.

– Что ж, сгораю от нетерпения увидеть, что из этого выйдет, – я ставлю поднос на пол между девочками. – Угощайтесь! Только смотрите не перепачкайте книги.

Прихватив два леденца, я усаживаюсь на диван рядом с Резусом.

– Вот, – говорю я, протягивая один ему. – Ты ведь хотел в форме черепа?

– Да, спасибо, – Резус берёт его свободной рукой, другой продолжая орудовать в мобильнике.

– М-м-м... вкусно? – говорю я и в ответ получаю рассеянный кивок.

– А сколько вообще длится такая игра? – спрашиваю я.

– Долго.

– И там нужно убивать оборотней?

– Да.

– А сам ты когда-нибудь встречался с оборотнем?

Мотает головой.

Я оборачиваюсь к девочкам. Дом у них уже почти готов.

– Ещё бы крышу сверху, – замечаю я. – Иначе это не настоящий дом.

– Для крыши нужна доска, – говорит Вируся. – Или книги побольше.

– Там наверху их очень много, – Глобиночка показывает на самый верхний отсек одного из стеллажей. – Но нам их не достать. Ты нам поможешь, дедушка? Мы же ещё не умеем летать.

Верно, дети вампиров учатся летать только с двенадцати лет. Я ещё помню, как учил этому Гему у большого окна на последнем этаже западного крыла. Кажется, это было вчера, но с тех пор прошло уже больше пятидесяти лет.

– Здесь, в доме, я, к сожалению, тоже летать не могу, – признаюсь я. – С некоторых пор мне нужно немного ветра, иначе не оторваться от земли. Но мы этот вопрос как-нибудь решим.

Во всяком случае, я на это надеюсь. Хм, стремянка стоит

в кладовке на кухне, идти туда мне слишком лень. А значит, я беру стул и придвигаю его к стеллажу.

– Этого недостаточно, – замечает Вируся. К сожалению, она права – как я ни стараюсь, мне явно не дотянуться.

– Нужно поставить стул на стол, дедушка, – советует Глобиночка.

Девочки помогают мне подвинуть стол к стеллажу и разместить на нём стул. Я забираюсь на него. Конструкция очень неустойчива. Балансируя на одной ноге, чтобы сохранять равновесие, я вытягиваю руку вверх. Наконец мне удаётся зажать одну из книг большим и указательным пальцами, и я тяну изо всех сил. Она немного сдвигается. Я тяну ещё сильнее. Внезапно полка стеллажа резко подаётся вперёд, книга вылетает на меня, а с ней и все остальные книги самого верхнего ряда.

– Осторожней там внизу! – кричу я, прикрывая голову руками. – Книжная лавина!

Девочки быстро запрыгивают под стол, а вокруг них на пол дождём сыплются книги.

– С вами всё хорошо? – спрашиваю я, когда грохот стихает.

– Да, – отвечает Вируся. – С тобой тоже?

– Думаю, да, – говорю я, осторожно спускаясь.

Я вздыхаю с облегчением. Прошло едва ли полчаса, как дети остались со мной, а я уже чуть было не похоронил двоих из них под горой книг.

Вируся вылезает из-под стола.

– Было весело, – говорит она. – А можно мы потом ещё раз так сделаем?

– Э-э-э... лучше не стоит, – говорю я. – А где Глобиночка?

– Мне одна книжка чуть на голову не упала, – раздаётся из-под стола. – В ней очень много картинок.

Мы с Вирусей сдвигаем стол.

Глобиночка сидит на полу по-турецки, листая... мой старый альбом с фотографиями! Я искал его уже не одно десятилетие! Неудивительно, что не нашёл, никогда не думал, что он там, наверху.

– Дедушка, а кто это рядом с тобой? – спрашивает Глоби-

ночка, тыча в одну из фотографий.

– Выглядит как Йети, – находит Вируся.

– Чепуха, – бурчит с дивана Резус. – Его вовсе не существует, этого Йети. Его просто выдумали.

– Да неужели? – говорю я. – А откуда же у меня фотография, на которой мы сняты вместе?

– Фотошоп, – сухо откликается Резус.

– Какой глупый! – закатывая глаза, стонет Вируся. – Фотография древняя. Никакого фотошопа ещё не было. Тогда даже компьютера не было, обалдуй.

– Сама обалдуйка, – отвечает её брат. – Ведь фотографии можно так обработать, что они будут выглядеть старыми.

– Но у этой и запах старый, – замечает Глобиночка. – Как у дедушки.

– Фотография и есть старая, – говорит Вируся. – И совершенно точно неотфотошопленная. Мне отсюда видно.

– Ну-ка, покажи, – просит Резус.

Встав, Глобиночка даёт ему альбом. Я сажусь рядом с ним, а Глобиночка забирается ко мне на колени.

– Подвинься, обалдуй! – командует Вируся. Она решительно теснит брата в сторону.

– Это действительно тот самый Йети? – Резус скептически разглядывает фотографию.

– Нет, – говорю я. – Это та самая Йети.

– Йети – девочка? – недоверчиво спрашивает Вируся.

– Именно так, – отвечаю я. – Но это вряд ли кому извест-

но.

– Она хорошенькая, – улыбается Глобиночка.

– Да, тогда я тоже так подумал, – киваю я. – Очень даже хорошенькая.

– Хи-хи, – хихикает Резус. – Дедушка в этого Йети втрескался.

– В эту Йети, – поправляет его Вирусю. – Правда, дедушка?

– Нет, не втрескался, – отвечаю я. – Это... сложно объяснить.

– Расскажи нам об этом! – требует Глобиночка.

– Да, давай выкладывай, – насекает Вирусю. – Что там у тебя было с Йети?

– Вы действительно хотите это знать? – спрашиваю я. – Я не хочу надоедать вам какими-то старыми историями.

– Я люблю старые истории, – говорит Глобиночка. – И моего старого дедушку люблю. Не люблю только старое печенье, оно всегда такое твёрдое.

– Не заставляй себя упрашивать, дедушка. – Резус откладывает в сторону мобильник. – Мы хотим знать *всё*.

О, исключительный случай – я увлекательнее, чем мёртвые оборотни. Значит, ничего другого не остаётся.

– Ну ладно, – начинаю я. – Тогда я сейчас расскажу вам...

Paris, 1909

История о Йети и Владе

Это произошло 28 июня 1909 года. Я помню так точно, потому что за день до этого поселился в квартире на Бейкер-стрит в Лондоне. Тогда мне приходилось

регулярно менять место жительства, это были трудные времена. Прежде я жил в Париже, но этот проклятый Ван Хельсинг снова наступал мне на пятки, и я решил на какое-то время укрыться в Лондоне. Для маскировки я купил на блошином рынке войлочную охотничью шапку с двумя козырьками и накидку-крылатку и под именем Шерлока Холмса снял квартиру в доме 221б. Хозяйка, милая пожилая леди по фамилии Хадсон, на моё счастье, оказалась уже слегка не в своём уме. Я рассказал ей, что занимаюсь частным сыском и поэтому вынужден работать преимущественно по ночам, чему она тут же поверила. Потому и не удивилась, что я заехал среди ночи, привезя с собой в качестве мебели гроб – якобы как улику в одном крайне запутанном деле.

Незадолго до восхода я постелил свежее постельное бельё и улёгся спать, но через несколько минут встрепенулся от каких-то громких звуков так, что стукнулся головой о крышку гроба.

– Ой! – говорит Вируся. – И со мной один раз такое случилось. Мне снилось, что я уже умею летать. Но это было внутри склепика, и я стукнулась головой о дверцу. А когда проснулась, на голове выросла большая шишка. С тех пор я сплю только с открытой дверью.

– А я – никогда, – говорит Глобиночка. – Я боюсь, что заползут какие-нибудь букашки. Не люблю букашек. Они нехорошие.

– Букашек бояться не нужно, – откликаюсь я. – Большин-

ство из них даже милые. А меня разбудила вовсе не букашка. В квартире надо мной стоял страшный грохот. Казалось, что кто-то швыряется мебелью.

– Такой же грохот, как когда книги валялись? – спрашивает Глобиночка.

– Намного-намного громче, – говорю я.

Я снова попытался заснуть, но грохот не прекращался. Вообще-то я не из тех, кто идёт к соседям скандалить из-за шума или ещё каких-то мелочей, но спустя час шум так и не утих, и я решил что-нибудь предпринять. И вылез из гроба.

– Но дедушка! – в ужасе восклицает Глобиночка. – Это же было днём! Солнце!

– Верно. Но в Англии солнце даже днём светит редко, чаще всего идёт дождь. Шёл он и в тот день. А, как вам известно, дневной свет сам по себе нам вреда не причиняет, если мы примем защитные меры.

– И солнечные лучи тоже, – прибавляет Вирус. – Лишь бы они не попадали ни на какие участки кожи. Я как-то уже стояла прямо на солнце, когда мы дневали в вампирской школе. Тогда мы были в костюмах астронавтов. Большинство моих одноклассников всё равно не решились выйти. А я решилась. Но было ужасно страшно.

– Да я так тоже делал, – говорит Резус. – Пустяки, только жарковато.

– Наверняка не так жарко, как в Сахаре, – вспоминается

мне. – Там Ван Хельсинг выбросил меня из самолёта незадолго до восхода. Куда бы я ни полетел, ближайшая тень, которая могла бы меня спасти, находилась слишком далеко. Чтобы выжить, мне пришлось три дня подряд полностью зарываться в песок. Но это уже другая история. Вернёмся к моему шумному соседству...

Набросив накидку от дневного света, я поднялся по лестнице и постучался в квартиру. Но грохотало слишком громко, никто не открыл. Тогда я забарабанил в дверь кулаками, и она вдруг распахнулась. Шум усилился, и внезапно к нему добавилась музыка. Подойдя к одной из дверей, я приоткрыл её и осторожно заглянул в щёлку. Первым делом я увидел граммофон, на котором крутилась пластинка. Музыка была мне знакома – сюита «Щелкунчик» моего старого друга Чайковского, с которым за несколько лет до этого я провёл чудесное время в России. Однако грохот однозначно к его произведению не относился. Тут я заметил и то, что производило этот грохот. Или вернее сказать – того, кто производил. В центре комнаты танцевало самое очаровательное существо, какое мне когда-либо доводилось видеть. В розовой пачке она скакала, прыгала и крутила пируэты, вращаясь по всей комнате, словно эльф на седьмом небе от счастья. Не имело никакого значения, что весила она при этом по меньшей мере килограммов триста и всё тело её покрывала плотная белая шерсть. При каждом шаге и скачке пол ходил ходуном – это её танец создавал такой

шум. Моя досада испарилась в мгновение ока. Как мог я злиться на это ангелоподобное существо? Пусть звучало это так, будто в комнате бушевал взбесившийся осёл, смотрелась она парящим облачком. Я стоял молча, попросту потрясённый. Когда музыка стихла, я захлопал в ладоши, не подумав о том, что она меня ещё не заметила. С леденящим душу криком она запрыгнула за сдвинутый в угол диван.

– Прошу прощения, – поспешно извинился я. – Не хотел вас напугать!

– К... кто вы? – в ужасе спросила она. – Ч... что вам

здесь нужно?

– Со вчерашнего дня я живу под вами, – объяснил я. – Просто хотел проверить, всё ли в порядке. Меня несколько беспокоил... шум. Дверь стояла открытой.

– Замок сломался, – сказала она. – Но это далеко не повод без спросу вторгаться в квартиру одинокой дамы.

– Целиком и полностью с вами согласен, – сказал я. – Но я же не знал, что тут живёт дама. Кстати, танцуете вы бесподобно.

– Правда? Вы находите? – вынырнув из-за дивана, спросила она.

– Абсолютно! Я даже утверждал бы, что вы самая лучшая танцовщица, которую я когда-либо видел, мисс?..

– Йети, – сказала она. – Можете называть меня Йети.

– Дракула, – представился я. – Граф Влад Дракула. Но зовите меня Владом, – подойдя к ней, я протянул ей руку и улыбнулся. Она, должно быть, увидела мои клыки, потому что снова ретировалась за диван.

– Вы... вы один из этих вампиров, да? – боязливо спросила она. – Я уже много слышала о вашем виде. Вы пришли, чтобы меня укусить?

– Нет, не волнуйтесь, – рассмеялся я. – Я никогда не смог бы причинить такого вашему восхитительно белому меху. Между прочим, мы, вампиры, кусаем людей только в случае крайней необходимости.

– Но я не человек, – сказала она.

– Я и это уже заметил. Можно спросить, к какому виду вы относитесь?

– Этого, к сожалению, я и сама не знаю, – вздохнула она. – Некоторые считают меня духом, другие называют чудовищем или даже монстром.

Я понимающе кивнул.

– И меня так уже называли. Не слушайте. Люди любят придумывать подобные ругательства для существ не таких, как они сами. Просто не умеют иначе. Кроме того, существует доказательство того, что вы не монстр. Никакой монстр не смог бы танцевать так, как вы. Я только что наблюдал вершину балетного искусства.

– О, вы даже представить себе не можете, как меня окрыляют ваши слова! – обрадовалась она. – Сколько себя помню, мечтаю стать примой-балериной.

– Что ж, значит, свою мечту вы уже осуществили, – сказал я. – Поздравляю!

– Нет, – удручённо откликнулась она. – К сожалению, не так всё просто. Настоящие примы-балерины танцуют на большой сцене, все их знают. Меня, к сожалению, не знает никто.

– Пока не знает, – сказал я. – Но это можно изменить.

Йети повалилась на диван.

– Легко сказать. Вы когда-нибудь видели прим-балерин? Они суперстройные и прекрасные. И не покрыты шерстью.

Я отмахнулся:

– Ах, это очень поверхностный взгляд.

– Да, возможно, – пробормотала она. – Но на безобразную приму-балерину никто смотреть не захочет.

Я энергично упёр руки в бока:

– Ещё как захочет! Я, например! Я хочу видеть безобразную балерину. И наверняка я не единственный. Вы уже обращались в какую-нибудь труппу?

Йети покачала головой:

– Я никогда на это не решалась.

– Значит, сейчас самое время! – заявил я. – Хотя для этой цели мы не в том городе. В области балета Лондон, к сожалению, несколько отстаёт. Нам нужно в Париж. Я знаю там руководителя только что основанной труппы «Русские сезоны». Я уверен, что он с радостью вас возьмёт.

– И вы... вы это сделаете для меня? – недоверчиво спросила Йети. – Вы даже съездите со мной туда?

Я недолго поразмышлял. Ван Хельсинг всё ещё находился в Париже, это я знал. А значит, возвращаться туда было для меня рискованно...

– Разумеется, я поеду с вами, – сказал я. – Можем отправиться прямо сегодня ночью!

Так мы и сделали. Сели на ночной паром до города Кале, а оттуда первым поездом в Париж, куда прибыли ещё до восхода солнца. Я выискал для нас маленькую, неприметную гостиницу вблизи театра дю Шатле, где мой старинный русский друг Сергей Дягилев содержал свою балетную труппу.

В Париже, к сожалению, стояла прекрасная погода, так что выйти из гостиницы мы смогли только вечером. Солнце зашло как раз к началу вечернего представления «Русских сезонов», и я купил нам

билеты на верхний ярус прямо у сцены. Мы посмотрели балет с фантастической балериной Анной Павловой. Правда, Йети это скорее напугало, чем воодушевило.

– Она так грациозна, – шепнула мне Йети. – По сравнению с ней я похожа на куль с мукой.

– Только не когда танцуете, – возразил я. – В танце вы в сто раз грациознее Павловой.

– Ах, это вы просто для красного словца говорите! – Она слегка покраснела.

– Вот подождите, – прошептал я. – Пройдёт совсем немного времени, и вы будете танцевать на этой сцене.

Когда представление закончилось, Йети аплодировала до тех пор, пока из зала не вышел последний зритель.

Мы отправились за сцену, где находился кабинет моего друга Сергея. Я вошёл один.

Сергей удивлённо поднял взгляд от письменного стола.

– Влад, старина! – Он восторженно приветствовал меня, расцеловав в обе щёки, как это принято во Франции. – Что ты тут делаешь? Разве ты не собирался уехать из города?

– Да, – ответил я. – Я уже был в Лондоне. Но потом обнаружил там кое-кого, с кем тебе непременно нужно познакомиться. Поверь, ты не пожалеешь, она лучшая танцовщица, какую я когда-либо видел. Лучше Павловой!

– Танцовщица? Лучше Павловой? – изумился Сергей. – Не может быть. Никого нет лучше Павловой,

пусть она и устраивает концерты, чем страшно меня раздражает.

– Знаю-знаю, – закатывая глаза, говорит Глобиночка. – У нас в детском саду одна тоже всё время устраивает концерты на блок-флейте, это жутко раздражает.

– Даёт концерты, – смеясь, откликается Вируся. – Это называется «давать концерт». Когда кто-то играет на музыкальных инструментах, а другие слушают.

– Вот как, – говорит Глобиночка. – А что же тогда такое «устроить концерты»? Звучит противно.

– Противно и есть, – бурчит Резус. – Особенно, когда их устраиваешь ты.

– А вот и нет! – негодует Глобиночка. – Я такого вообще никогда не делаю!

– Ты уверена? – спрашивает Резус. – Ты же даже не знаешь, что это значит.

– Ну и пусть! – топает ногой Глобиночка. – Я не даю концерты и не устраиваю! У меня вообще нет никаких концертов! Потому что все они фу-у-у! Правда, дедушка?

– Да, – смеюсь я. – Ты совершенно права, устраивать концерты – это фу-у-у.

Сергей во всех подробностях излил мне своё горе по поводу затратных прихотей Павловой.

– С Йети бы у тебя таких проблем не возникало, она

очень скромна, – сказал я. – Она стоит за дверью. Давай я вас познакомлю.

– Скромная прима-балерина? Это и правда что-то новенькое! – рассмеялся Сергей. – Ну, давай её сюда!

Открыв дверь, я подал Йети знак. Она вошла в кабинет, застенчиво потупив взгляд.

– Э-э-э... – шепнул мне на ухо Сергей, – ты уверен, что она танцовщица? Скорее уж напоминает танцора. Танцора из цирка. Очень волосатого танцора из цирка.

– Я так и знала, – вздохнула Йети, обладавшая, по видимому, тонким слухом. – Это бессмысленно.

Повернувшись, она собралась было выйти из кабинета, но я остановил её.

– Да подождите же вы! – сказал я и с серьёзным видом повернулся к Сергею. – Дай ей шанс. Ты должен посмотреть, как она танцует. Лучше всего прямо сейчас.

– Ну ладно. – Взгляд у Сергея был скептический. – Только ради тебя. Пойдём на сцену, там сейчас никого.

Я взял Йети за руку, она дрожала, и мы пошли вслед за Сергеем.

– Нам нужна музыка, – сказал он, указывая на другой край сцены. – Поможете мне выкатить на сцену репетиционный рояль?

– Оставьте, – сказала Йети. – Я сама.

Подойдя к роялю, она подняла его обеими руками над головой, пронесла через всю сцену и опустила у ног Сергея.

– Для балерины вы очень сильная, – поразился

Сергей. – Под какую музыку вы хотели бы танцевать?

– Под сюиту «Щелкунчик», пожалуйста, – сказала Йети.

Одобрительно кивнув, Сергей сел за рояль. Йети встала в позицию на середине сцены, всем телом вибрируя от волнения. Но стоило раздаться первому звуку, как Йети дрожать перестала. Она мгновенно очутилась в своём мире, там, где не важно, как она выглядит и какой её видят другие, там, где она – танцовщица, не больше и не меньше. Лучшая танцовщица всех времён.

Она танцевала и кружилась, прыгала и крутила пируэты, и глаза у Сергея округлялись всё больше. Один раз он даже немного сфальшивил.

Не успела прозвучать последняя нота, как Сергей, вскочив, громко заплодировал.

– Это... это было... это было совершенно сенсационно! – восторженно восклицал он. – Тело подтянуто! Идеальная техника! Эта негаданная лёгкость! Обаяние! Грация! Bravo, мадам! Снимаю шляпу! Вы поистине уникальны!

– Спасибо, – смутилась Йети. – Очень мило с вашей стороны.

– Это не мило! – возразил Сергей. – Это чистая правда! Вы рождены для танца! И для сцены! Для *моей* сцены! С этого момента у вас ангажемент! Мы устроим дополнительный спектакль! Утренний! Утреннее представление «Щелкунчика»! В ближайшее воскресенье! Что вы об этом думаете?

В ответ Сергею раздался страшный грохот – без всякого предупреждения Йети опрокинулась навзничь, лишившись чувств.

– Ой, бедняжка! – ужасается Вируся. – Она не ушиблась?

– Нет, не беспокойся, – заверяю я. – Йети очень крепкая.

– Я тоже стану примой-балериной, – заявляет Глобиночка. – Я ведь тоже здорово танцую!

Забравшись на стол, она принимается яростно скакать по нему туда-сюда. Она неистово дрыгает руками и ногами, подпрыгивает в воздух, крутится и... потеряв равновесие, падает со стола. Я бросаюсь к ней и едва успеваю её поймать. Уфф-ф, обошлось!

– Если кем и станешь, то примой-падалиной, – с усмешкой комментирует Резус.

– Было весело! – хихикает Глобиночка. – Ещё раз!

– Лучше не стоит, – со вздохом облегчения отзываюсь я. – Сядь, пожалуйста, на место. Я же должен вам рассказать, что было дальше.

Время до утреннего представления мы с Йети провели в прекрасном Париже. Днём Йети репетировала свой главный выход, а когда заходило солнце, мы гуляли по городу. Я показывал Йети все достопримечательности, ночью мы тайком залезли на Эйфелеву башню, через чёрный вход прокрались в Лувр и вместе ели мороженое на Елисейских Полях.

Сергей развесил повсюду в городе афиши, на которых Йети анонсировалась как Йетина Карамазова, сенсация из Санкт-Петербурга.

Не сказать чтобы Йети это особо радовало.

– Но это же враньё, – сказала она Сергею. – Это не моё имя, и я не из Петербурга.

– Ах, да ведь это никому не известно, радость моя, – возразил Сергей. – Просто публика охотнее принимает русских танцовщиц. Вы же хотите, чтобы билеты на представление раскупили, да? У нас уже сейчас зарезервировано больше ста мест.

– О, так много? – спросила явно взволнованная Йети. – Они все придут, чтобы на меня посмотреть?

– Они придут, чтобы посмотреть на новую сенсацию из Петербурга, – подмигнул Сергей. – Вы говорите по-русски?

– Нет, ни слова, – ответила Йети.

– Не страшно, – махнул рукой Сергей. – Примы-балерины не обязаны разговаривать. Если кто-то станет вас о чём-нибудь спрашивать, говорите просто «ничего» или «авось», в России это правильные ответы на все вопросы.

Йети внимательно рассмотрела афишу.

– Но на ней же нет моего изображения, – констатировала она. – У Павловой на афише всегда её портрет.

– Но Павлова не весит триста килограммов и не выглядит как длинношёрстый белый медведь, – возразил Сергей. – Спокойно предоставьте рекламу нашего утреннего спектакля мне, моя радость, я знаю, что делаю.

– Да, но не будут ли люди чувствовать себя обманутыми, если в воскресенье на сцене предстанет не стройная-престройная и бесшёрстная русская, как обещала афиша?

– Ах, не забивайте себе этим вашу упрямую головку, – сказал Сергей. – Увидев ваш танец, они тут же позабудут обо всём, что написано в афише. Поверьте мне, дорогуша, всё будет чудесно, и вас ожидает большой триумф!

– Похоже, ничего другого мне не остаётся, – вздохнула Йети.

А потом наступил этот великий день. Погода, к сожалению, намечалась прекрасная, и поэтому мы отправились в театр ещё до восхода солнца. Тем не

мене мы пришли не первыми, нас уже ждал Сергей. Он встретил нас в гримёрной Йети в сопровождении пяти человек в белых халатах.

– А, вы ранние пташки, вот и чудненько! – сказал он. – Значит, времени нам хватит!

– Хватит на что? – спросил я.

– Ну, на преобразование косматого белого медведя в приму-балерину, – обернувшись к пятерым мужчинам, Сергей хлопнул в ладоши: – Можете начинать!

Каждый из пятерых тут же схватил ножницы. Они придвинулись к Йети.

– А-а-а-а! – прыгнув мне на руки, в ужасе завопила она. – Помогите, Влад! Это парикмахеры!

Как ни наслаждался я близостью Йети, но больше трёх секунд удержать её на руках не мог. Я осторожно опустил её на пол.

– Они... они хотят остричь мою шерсть, – боязливо сказала Йети, пытаясь спрятаться за моей спиной.

– Ты же не серьёзно, да? – спросил я Сергея. – Что всё это значит?

– Ты о чём? – изобразил невинность тот. – Это для её же блага. Когда всю шерсть удалят, она наверняка приобретёт более-менее презентабельный вид. Мы же не хотим перепугать нашу публику, правда?

Я впервые спросил себя, с какой стати дружу с Сергеем – он явно не хороший человек.

Йети заплакала:

– Но тогда это буду уже не я, – рыдала она. – Я думала, главное – танец, а не моя шерсть. Большого я

никогда и не хотела. Просто танцевать.

– И вы будете танцевать, – решительно сказал я. – И именно такая, как есть, с вашей прелестной шерстью.

– Не будет, – сказал Сергей. – Это *мой* театр. Здесь по-прежнему я решаю, кому танцевать на этой сцене, а кому – нет. И будь она действительно лучшей примой-балериной в мире, в наши дни этого недостаточно. Чтобы стать звездой, нужно большее. Больше красоты, больше харизмы, больше очарования. И в любом случае меньше шерсти. Я мог бы сделать из неё звезду. Или пусть уходит. В таком виде она у меня ни за что выступать не будет.

Йети разразилась громкими рыданиями, а я в ярости подступил к Сергею. Я остановился так близко от него, что мы почти соприкасались носами.

– Она будет здесь выступать, – прошипел я ему. – И именно сегодня, как заявлено. А если ты не позволишь ей станцевать, то я кое-что из тебя сделаю, что тебе наверняка не понравится, – я сверкнул клыками. – Ты меня понимаешь? – выразительно спросил я.

Судорожно сглотнув, он молча кивнул.

– Вижу, мы друг друга поняли. А теперь исчезни и своих бесстыжих махателей ножницами забери!

– Да, проваливай, болван! – ругается Глобиночка.

– Тебе следовало его укусить, – ворчит Резус.

– Какой мерзавец! – бурчит Вирус. – Бедная Йети. Надеюсь, она всё-таки станцевала.

– Да, станцевала, – говорю я. – Однако потребовалась куча

времени, пока мне удалось её уговорить.

И вот время пришло. Зал был прилично заполнен, только на верхних ярусах виднелось немного свободных мест. Надевая сшитую специально для этого случая пачку, Йети опять дрожала всем телом от волнения. Она выглядела как затмевающий всё своим светом ангел.

– Я не могу туда выйти, – сказала она. – Мне плохо.

– Это нормально, – ответил я. – Всего лишь волнение перед выходом на сцену.

– А нельзя выключить свет? – спросила Йети. – Если бы меня никто не видел, меня бы точно не лихорадило.

Я не смог удержаться от смеха. Йети тоже.

– Пойдём! – сказал я, подводя её к занавесу. – Вы готовы. Вы всех их там очаруете. Как очаровали меня.

Нежно поцеловав её в заросшую шерстью щёчку, я подал знак дирижёру.

Зазвучала музыка. Йети сделала глубокий вдох. Занавес поднялся, и она медленно прошла на середину сцены. Ясно слышалось, как публика удивлённо ахнула, некоторые, прикрыв рот рукой, зашшукались. Но стоило Йети начать танцевать, как зал в одночасье затих.

За этим последовало то, что в моих глазах было лучшим представлением примы-балерины, которое когда-либо видел мир. Идеальными были каждый шаг, каждое движение. И более того – Йети ввела несколько танцевальных фигур, которых прежде не существовало и никогда уже не будет существовать, потому что никто, кроме неё, не в состоянии их исполнить. Однажды она прыгнула так высоко, что до приземления сумела прокрутить в воздухе двадцать пять пируэтов. Публика не уставала поражаться, и кое-кто аплодировал уже во время выступления, чего вообще-то в балете никогда не случается. Но это не шло ни в какое сравнение с тем шквалом оваций, который грянул, когда отзвучали последние звуки музыки и Йети низко поклонилась в завершение. Люди, встав, хлопали в ладоши, и кричали,

и ликовали в полном восторге несколько минут. Йети, сияя, вынуждена была поклониться семьдесят три раза, пока зал не успокоился. И тогда откуда-то из последних рядов раздался мужской голос.

– У-У-У! – крикнул кто-то. – ЭТО НЕ РУССКАЯ ТАНЦОВЩИЦА! ЭТО ЖУТКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ!

Голос показался мне знакомым, но я не мог сообразить, где уже слышал его.

– ИСЧЕЗНИ, МОНСТР! – проревел этот человек.

Высматривая его, я увидел, как вдруг что-то полетело на сцену. Я не распознал, что именно. В следующее мгновение это что-то попало в Йети, прямо в грудь, где сердце. Полетели брызги. В этом месте стало расплзаться тёмно-красное пятно, на пол протяжно, как в замедленном кино, с шумом падали красные капли. Мой нос тут же распознал запах – это был... гнилой помидор!

– Ой-ой-ой! – пищит Глобиночка. – Не пугай меня так, де-душка! Я уже думала, что в бедную Йети кто-то выстрелил!

– Он специально, – хитро улыбается Вируся. – Но я тоже на это клюнула. Кто же, скажите на милость, берёт с собой в театр гнилые помидоры? Мне бы такое никогда в голову не пришло.

– В те времена это было обычным делом, – объясняю я. – Люди брали с собой в театр испортившиеся продукты, чтобы забрасывать ими актёров, если представление не понравится. Раскисшие помидоры, тухлые яйца, сгнившие кочаны

салата, всё подряд.

– Фу! – морщится Резус. – Значит, в театрах наверняка жутко воняло.

– Да уж, – подтверждаю я.

– Рассказывай дальше, дедушка! – требует Глобиночка. –

И что сделала Йети? Съела этого злодея?

– Нет, – смеюсь я. – Йети была вегетарианкой.

Я выскочил на сцену. Вся публика пребывала в таком же потрясении, как и я. Все зрители, кроме одного.

– ХА-ХА! – раздался смех из последних рядов. – РАДУЙСЯ, ЧТО ПОМИДОР ТОЛЬКО ОДИН, МЕРЗКОЕ ЧУДИЩЕ!

Выйдя вперёд к рампе, я проглядывал последние ряды в поисках негодяя.

– КАК НИЗКО! ОСКОРБЛЯТЬ ДАМУ И ЗАБРАСЫВАТЬ ГНИЛЫМИ ОВОЩАМИ ИЗ УКРЫТИЯ! ПОКАЖИ НАМ СВОЁ ЛИЦО, ТРУС!

– НЕ ВИЖУ НИКАКОЙ ДАМЫ! – крикнул он в ответ. – ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ МОНСТР!

– ЕДИНСТВЕННЫЙ МОНСТР В ЗАЛЕ – ЭТО ТЫ! – откликаюсь я. – И ТЫ...

– Спасибо, Влад, – перебила меня Йети. – Предоставьте, пожалуйста, это мне.

Я ожидал, что после трусливой атаки она, плача, упадёт духом, но ничего подобного. Йети решительно выступила вперёд.

– Глубокоуважаемая публика, – сказала она, – у

меня нет слов, чтобы выразить, какой счастливой вы меня сделали сегодня, придя посмотреть, как я танцую. Ваши аплодисменты и радость на ваших лицах будут ещё долго заставлять моё сердце биться сильнее. И этот единственный помидор ничего не изменит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.